

В

асилий Васильевич Белопольский известен, прежде всего, как пейзажист. Его кисти принадлежат крупные полотна и небольшие наброски, этюды, воплотившие впечатления художника от особенно любимых им и хорошо знакомых улиц Воронежа, а также от живописных мест, которыми богаты воронежские окрестности. Удивительно, что побывав на юге, в Крыму, он не привез оттуда ни одного пейзажа. Его как будто не волновали виды других мест, ему было достаточно наблюдать то, что находилось в его непосредственной повседневной близости.

Многие и, пожалуй, лучшие пейзажи Белопольского хранятся в воронежском музее имени Крамского. Но много разбросано по домам знакомых и друзей. Он любил дарить свои работы. Часть их осталась у его наследников. Не все там одинаково ценно. Думается, что ему больше удавались работы небольшого формата, зарисовки и этюды. В них отчетливее проявляется его своеобразие — негромкая выразительность, правдивость и обаятельная простота художественной манеры.

В качестве городского пейзажиста Василий Васильевич заявляет о себе ис-

ключительно как живописец родного города. При этом он менее всего — художник-урбанист. Город у него «одомашнен», приближен к природе и человеку. Белопольский — поэт русской провинции, уходящей и потому способной вызвать что-то вроде ностальгической грусти. Город предстает у него в разное время года. На каждой картине современники могут узнать конкретные улицы, дома, дворы и закоулки. Эти своеобразные свидетельства времени — настоящее сокровище для будущих краеведов! Однако дело не в этом. По тому, что изображено на картинах, можно судить не просто о том, каким город был в то или иное время, но и о настроении, душевном состоянии художника. Это превращает городской пейзаж в историю духовной жизни человека, который, являясь свидетелем эпохи, несет в себе переживания и настроения, вызванные временем и историческим моментом.

И при жизни Василия Васильевича, и в дальнейшем часто говорилось о воздействии на его творчество искусства импрессионизма. В определенной степени это, наверное, справедливо, хотя едва ли до конца определяет стиль творчества Белопольского. От импрессио-

На юбилейной выставке Василия Белопольского

низма у него, как представляется, стремление передать одно из мгновений жизни города, мимолетное, готовое каждую секунду ускользнуть переходное состояние, а не намерение воссоздать облик Воронежа в его главных отличительных чертах. Выбранные художником, во многом неожиданные ракурсы при изображении города, особые сочетания и нюансировка красок, тонкости колорита придают его пейзажам лирический, особо личностный характер. Художник создает образ, который заключает в себе что-то очень существенное как для данного — преходящего — момента, так и для передачи настроения или душевного состояния его самого. Он не ищет внешних эффектов, очень выборочно, с ювелирной точностью пользуется красками, стремится использовать их тончайшие оттенки, ему важен рисунок, пространство. Явственно видно, что художник — человек, имеющий собственный взгляд на окружающее, независимый взгляд, не полностью совпадающий с общепринятыми установками, с которыми он вовсе не боролся — он просто всегда оставался самим собой.

Издавна запомнилась мне картина 1944 года «Воронеж зимой». Дядя писал ее, вглядываясь в пейзаж из окна своей комнаты в нашем общем доме. На

моих глазах на картине возникала наша Вторая Трудовая улица, как она называлась до недавнего времени. Все было очень узнаваемо. Мы только что вернулись из эвакуации. Воронеж еще не был восстановлен. Следы войны отчетливо зримы, в этих местах шли бои. Сторона улицы, противоположная дому, была полностью разрушена ударами нашей артиллерии, стоявшей на противоположном берегу. В поле зрения художника попадает все, что открывается за разрушенными усадьбами домов. Он схватывает минуту, когда уже начинается восстановление, хотя многое еще сделано как бы на скорую руку. При этом видно, что люди обосновались здесь уже основательно. Как напоминание о недавнем прошлом на заднем плане торчит фасад разрушенного дома с зияющими проемами окон. Однако взгляд падает на двухэтажный дом из красного кирпича, полностью уцелевший в ходе боевых действий. Возвышаясь над всем окружающим, он составляет как бы композиционный центр картины. И, оказавшись в центре, превращается в своего рода символ — символ стойкости и живучести города, его неистребимости. Сгруппировавшаяся на правой стороне картины группа скромных одноэтажных частных строений наводит на мысль о стремлении жителей быть по-

ближе друг к другу. И все это на фоне снега, которому еще далеко до весеннего таяния. Холод и испытания — надолго. Атмосферу суровости в борьбе за выживание подчеркивает и хмурое, сумрачное небо, не контрастирующее, но как бы придающее законченность зимнему пейзажу... Так формируется не просто представление о переживаемом всеми моменте, но и встает образ города в конце военного лихолетья. Художник передает настроение стоической суровости и надежды, которыми жили воронежцы и он сам в это время.

Василий Васильевич отчасти склонен поэтизировать реальность. Забытые уголки Воронежа в его изображении открывают спрятанную от равнодушных глаз красоту провинциального города. Случайно или нет, своеобразным знаком города в его картинах часто выступает отстроенное уже после войны здание ЮВЖД. Например, в картине «Городской пейзаж (1952)». На переднем плане — крыши, а к ним сверху сбегаящие улицы старой части города. На светлом небе одинокой свечой высится башня ЮВЖД. Все вместе — неприятно, естественно и красиво: теплота красок, обилие света, мягкого и прозрачного, льющегося с неба... Цветовая гармония скрадывает возможный беспорядок. Все домики, виднеющиеся вдоль улицы, не обрисованы в их предметной конкретности, а как бы лишь помечены. Они утопают в зелени, а виднеющиеся на заднем плане современные здания воспринимаются как нечто далекое и не мешающее уюту слитого с природой уголка. Находящийся вдали современный город, воспринимается как часть общего пейзажа. Художник как будто нивелирует его, окрашивая единой нежно-красноватой цветовой гаммой, которая не только не контрастирует с цветовыми пятнами переулков, его красками, но выступает их естественным продолжением.

В картине 60-х годов «Дом на Манежной» башня ЮВЖД едва просматривается, сливаясь с блеклым осенним небом. Картина строится на контрасте

между тяжеловатым, солидным своей прочностью домом из красного кирпича и изящными, как бы парящими, молодыми деревьями, его окружающими. Их изящество, рождающее ощущение нежной хрупкости, усиливается еще и тем, что они изображены в пору поздней осени, когда листва почти облетела, а трава приобрела характерную желтизну. Осенний пейзаж воспринимается как отражение судьбы дома. Художник явно грустит по поводу неизбежного, но одновременно ему импонирует аскетическая простота и упрямая стойкость уходящей природы. Аскетизм как признак красоты — вот что в конечном итоге несет в себе образ, созданный автором.

Больше всего я, пожалуй, люблю картину «Свет в окне» (1972). На ней тот же дом и те же деревья с находящейся на заднем плане башней ЮВЖД. Но теперь пейзаж приобретает совершенно иное содержание. На смену лиризму и поэтической одухотворенности выходит драматизм. Колорит здесь более мрачный, мазок резкий, как бы нервный. Зимнее время года придает изображенным объектам особую резкость. В скупом освещении пасмурного вечера старый дом из красного кирпича выглядит темно-коричневым. Стволы и ветки деревьев, окружающих дом, опущенные снегом, предстают более сильными и тяжелыми по сравнению с тем, какими они были на предыдущем полотне. Их силуэты в откровенной наготе выглядят угрожающе. В доме освещено единственное окно, свет которого неожиданно радужный. На фоне безлюдного зимнего пейзажа оно воспринимается то ли как призывный огонек, то ли как одинокое противостояние человека, оказавшегося один на один с холодным и враждебным ему миром.

Чисто пейзажные работы Василия Белопольского отличают те же особенности, что и городские картины: та же мягкость красок, та же скромная красота, тот же отчетливо ощущаемый лиризм. Он любил писать цветы: сирень, подснежники. Выполненный на карто-

не эгоид, изображающий куст сирени на фоне старого сарая, утверждает победоносную силу красоты.

Все природные пейзажи художника, беглые зарисовки природы в разных ее состояниях тоже связаны с поиском прекрасного в жизни. На полотне «Разлив» изображена река Воронеж слева от Чернавского моста. Вдали просматривается левый берег, а справа на переднем плане — почти затопленные талой водой березы, еще не одевшиеся зеленой листвой из-за стоящих ранней весной заморозков. Художник располагает березки по бокам картины, открывая за ними вид на реку, оживленную весенним половодьем. Березки застыли в неподвижности, они еще во власти недавнего холода, но река уже в движении, в природе происходят перемены. Перламутровые краски пейзажа призваны подчеркнуть красоту рождающейся надежды.

Иное настроение возникает при взгляде на картину «Зеленя после дождя». Она написана сочными, мягкими в своей чистоте красками. Зеленое поле расстилается перед деревней под светлым небом с уходящими вдаль дождевыми тучами. Оно не совсем от них освободилось, вода еще не успела впитаться в землю, о чем свидетельствует глубокая лужа на дороге. В луже отражается синева неба. Земное и небесное предстают нерасторжимо связанными. Не случайно человеческое жилище отодвинуто на задний план картины. А справа — зеленое буйство леса как воплощение могущества земли.

Люди — довольно редкие гости на картинах Василия Белопольского. По характеру своего таланта и творческим устремлениям он был преимущественно пейзажистом. И все-таки иногда люди присутствуют в его сюжетах, и тогда его живопись приобретает характер своеобразного декоративного панно. Можно вспомнить, например, «Купание в жаркий день на реке Воронеж». На полотне — речка, переполненная купающимися. Художник не стремится представить отдельные лица, он смот-

рит на реку сверху вниз и издалека. Человек предстает здесь частью прекрасной живительной природы.

Как художник города Василий Белопольский и своих героев выбирает среди горожан. Сохранились эскизы к замышлявшимся работам, где он с заметным постоянством возвращается к фигурам молодых девушек, которые любуются открывающимися перед ними просторами или, уютно расположившись, увлеченно читают книгу.

Особое место в творческом наследии Василия Белопольского принадлежит портретам. Он писал их всю жизнь, но никогда не выставлял. Возможно, из-за того, что моделями служили исключительно домочадцы. Он писал всех, и не по одному разу. Не берусь назвать хоть одного родственника, который бы ему не позировал. В семейных собраниях сохранились его автопортреты, а также изображения близких: матери, отца, сына, дочери, внуков, племянниц... Многие из них существуют лишь в набросках. Не все одинаково удачно, однако лучшие работы отличаются не только сходством с оригиналом, но и точностью передачи психологического образа изображаемого лица.

Портреты Белопольского обычно лишены всякой предметности, не имеют разработанного фона. Как правило, человек изображается на довольно небрежно окрашенном фоне, без каких-либо аксессуаров, деталей быта. Прочитывается задача: выделить лицо персонажа или, если речь идет о поясном изображении, с помощью выбранной позы или деталей одежды дать о нем представление и намекнуть на обстоятельства его жизни, на само время.

Как портретист Белопольский чаще всего находится на одной плоскости с моделью, в непосредственной близости к ней, что называется, на расстоянии протянутой руки. Пожалуй, именно это позволяет зрителю представить себя в непосредственной близости от изображаемого лица, почувствовать его индивидуальность, может, даже понять ее.

Сразу по окончании войны Василий Васильевич создал портрет женщины в красном. На нем — моя мать Антонина Николаевна Белопольская, вдова родного брата художника, не вернувшегося с войны. Сходство с натурой очевидно всем, кто знал ее. На портрете еще молодая женщина, с завязанными узлом волосами. Она как бы зажалась, словно стесняется себя. В лице напряженность и сосредоточенность. Скучная одежда — старенькое платье из фланели... Словом, типичный образ солдатской вдовы той поры, их счет велся на тысячи. Но есть в этом лице еще и стоическая готовность переносить свалившиеся невзгоды, незаметный и скромный героизм.

В любом портрете кисти Василия Белопольского ощущается желание художника воссоздать неповторимую особенность человека. Это доверчивость, ясность и спокойствие уверенной в себе молодости в изображении девочки в красном. Трогательная обращенность к миру ребенка на портрете маленькой внучки художника...

Может быть, я пристрастна, но мне всегда нравились картины моего дяди. При этом я отлично понимаю, что среди певцов нашей малой родины голос Василия Белопольского звучал не громче всех. Но это был *чистый* голос. Голос человека, всегда и неизменно остававшегося верным себе, что встречается не так уж и часто.

